

A movie poster for the Russian film 'Glukharynniy log'. The image features two main characters in a snowy, forested setting. On the left, a man with a thick, dark beard and intense, weathered features looks directly at the viewer. He wears a dark, fur-lined leather jacket. On the right, a woman with long, dark, wet-looking hair and striking blue eyes looks slightly away from the camera. She has a small red mark on her cheek and wears a dark, patterned garment with a red, textured element on her shoulder. The background is a misty, snow-covered forest with bare trees.

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВА

ГЛУХАРИННЫЙ
ЛОГ

18+

Екатерина Андреева

Глухаринный лог

<https://litres.ru/73990116>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Волкова живёт с дядей-егерем в посёлке Глухаринный Лог. Их не любят — чужаки, молчуны, «тёмные люди». Однажды дядя находит в тайге тело своей бывшей жены Любы, пропавшей пять лет назад. Убийство носит ритуальный характер: рот зашит звериной жилой, глаза вложены в рот, на груди вырезан символ — Око. Капитан местной полиции Воронов обвиняет во всём дядю.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глухаринный лог

Глава

Глава 1. Чужие

Тишина в Глухарином Логе особенная. Она не звенит, как зимняя, а давит — сырая, ватная, пропитанная испарениями болот и прелью прошлогодней листвы. В такой тишине даже собственное дыхание кажется чужим и неуместным.

Алиса стоит у окна и смотрит, как дядя возится во дворе. Стекло мутное, в разводах, но ей не нужно видеть чётко — она и так знает каждое его движение. Вот он поднял с земли топор, взвесил в руке, словно забыл, зачем взял. Вот замер, глядя куда-то поверх забора, в сторону леса. Чужая, незнакомая заминка в привычном ритуале.

Она отходит от окна, садится за стол. На клеёнке — россыпь гильз, маслénка, шомпол. Пахнет ружейным маслом и вчерашней жареной картошкой. В доме чисто, но это мёртвая чистота — здесь ничего не меняется годами. Те же занавески, выцветшие до состояния папиросной бумаги. Та же печь с трещиной, которую дядя замазал ещё до её рождения. Тот же запах.

Алиса достаёт из кармана штормовки блокнот. Мятые страницы, химический карандаш. Она записывает то, что видела утром: «Вороны сменили гнездо. Переселились с лист-

венницы на старую ель у оврага». Ниже — схематичный рисунок перьев. В свои восемнадцать она знает: если хочешь понять, что происходит в тайге, смотри на ворон. Они первые чуют падаль.

— Собирайся, — голос дяди гремит неожиданно, заставляя её вздрогнуть.

Он стоит в дверях, заполняя собой проём, — огромный, сгорбленный, в пропотевшей фланелевой рубаше. Лица почти не видно в тени, но Алиса улавливает что-то новое в его позе. Напряжение. Так он выглядел два года назад, когда они наткнулись на браконьерскую петлю и чуть не поймали пулю.

— В посёлок, — добавляет он, заметив её недоумение. — В участок.

Алиса не спрашивает «зачем». Она научилась не задавать вопросы, на которые всё равно получит односложный ответ. Вместо этого она молча натягивает сапоги, набрасывает куртку и заплетает волосы в тугий узел. Ей не нужно зеркало — она знает, что выглядит старше. Не красивее, а именно старше. Измождённое. Так выглядят люди, которые с детства привыкли ждать беды.

До посёлка четыре километра по грунтовке. Дорога разбита лесовозами, по обочинам — прошлогодний бурьян вперемешку с ржавым железом. Дядя ведёт «УАЗ» молча, вцепившись в руль так, что белеют костяшки. Алиса искоса смотрит на него. Он не был таким три дня назад. Что-то случилось в лесу.

Она хочет спросить — и не решается. Слова в этой семье имеют странное свойство: они не соединяют, а разъединяют людей. Каждый диалог здесь — как ходьба по тонкому льду.

В посёлке их встречают привычно. То есть — никак. Две старухи на лавочке поджимают губы и демонстративно отворачиваются. Мужчина у сельмага долго смотрит вслед, потом сплёвывает под ноги. Алиса привыкла. Она научилась не замечать этих взглядов ещё в детстве, когда её впервые не позвали на день рождения к соседской девочке — «мать не велела».

— Чего они нас так? — спросила она тогда у дяди.

— Завидуют, — ответил он коротко, и в этом была только половина правды. В Глухаринном Логе не любят чужаков, а они с дядей — чужие, хоть и живут здесь пятнадцать лет.

Участок — приземистое здание из серого кирпича. Возле входа — разбитая «Нива» и мотоцикл с коляской. Дядя глушит мотор, но не выходит. Молчит, глядя перед собой.

— Я вчера Любу нашёл, — говорит он наконец.

Алиса чувствует, как по спине бежит холодок. Она ни разу не видела Любу, но знает о ней достаточно. Знала. Высокая, смешливая, с родинкой над левой бровью. Ушла пять лет назад, не выдержав таёжной глуши. Или не ушла? Дядя никогда не рассказывал подробностей, а спрашивать — себе дороже.

— Где? — голос Алисы звучит глухо, будто со стороны.

— На старой гари. У Журавлиного ручья.

Он замолкает. Алиса видит, как двигаются желваки на его скулах. Ворон на проводах срывается с места и летит в сторону леса — туда, где темнеет стена тайги.

— Мёртвая, — добавляет дядя. — Уже давно.

Алиса смотрит на свои руки. Они лежат на коленях — бледные, с вьёвшейся в кожу землёй и тонкими шрамами от ножа. Она думает о том, что всё должно было быть не так. Что их тихая жизнь, какой бы горькой она ни была, имела свои неизменные правила. А теперь правила нарушены.

— Ты сказал им? — она кивает в сторону участка.

— Сказал.

— И что?

Дядя усмехается — недобро, криво, и эта усмешка пугает её больше, чем всё остальное.

— Капитан Воронов говорит, что я сам её убил. Мотив, говорит, был. А теперь, говорит, сознался, чтоб срок скостить.

Алиса открывает рот, чтобы возразить, но слов нет. Потому что она знает: в этом посёлке дяде не поверят. Не поверят никогда и ни за что — просто потому, что он не свой. Он слишком молчалив, слишком зол, слишком одинок. Идеальный обвиняемый.

— Я пойду с тобой, — говорит она.

— Сиди здесь.

Но она уже открывает дверцу, и в лицо ей ударяет сырой осенний ветер. Алиса выбирается из машины, поправляет куртку и идёт к дверям участка. Она не знает, что скажет.

Она не знает, чем поможет. Но одно ей ясно совершенно точно: если она сейчас останется в машине и будет просто ждать, то перестанет себя уважать.

А уважение к себе — единственное, что у неё есть.

Глава 2. Журавлиный ручей

Участок встречает их запахом хлорки, дешёвого табака и чего-то кислого — кажется, позавчерашних щей. В коридоре темно, хоть глаз выколи: одна лампочка перегорела, вторая мигает, отбрасывая на облупленные стены дёрганные тени. Алиса идёт за дядей, стараясь ступать бесшумно, и чувствует, как внутри закипает глухое, почти звериное раздражение. Она ненавидит это место. Ненавидит запах, стены, этот липкий казённый свет.

Капитан Воронов сидит в своём кабинете, развалившись в кресле так, что оно жалобно скрипит под его грузным телом. Перед ним на столе — открытая папка, замызганная кружка с чаем и пепельница, полная окурков. При виде дяди он даже не меняет позы, только тянет уголком рта вверх — то ли улыбка, то ли судорога.

— А я уж думал, не придёшь, — говорит он, игнорируя Алису. — Думал, в тайгу рванёшь. Следы замечать.

Дядя молчит. Опускается на стул, кладёт руки на колени. Алиса встаёт у двери, прислонившись плечом к косяку. Ей хочется вцепиться Воронову в лицо, но она сдерживается. Эмоции сейчас — худший союзник.

— Рассказывай, — Воронов закуривает новую сигарету, даже не спросив разрешения. Дым плывёт к потолку сизыми слоями. — Где нашёл, как нашёл, почему именно ты.

Дядя поднимает на него глаза. Взгляд тяжёлый, как ртуть.

— Я проверял солонцы у Журавлиного ручья. Там гáрь старая, лет пять как горело. Уже и не скажешь — молодняк поднялся, осинник по грудь. Иду, смотрю — впереди воробы.

— Вороны, — повторяет Воронов и делает пометку в блокноте. — И что вороны?

— Кружили. Низко. Я понял — падаль.

Алиса вздрагивает. Падаль. Какое холодное, безжалостное слово. Она смотрит на дядю и пытается понять, что он чувствует. Ничего. Лицо — каменная маска. Только руки, лежащие на коленях, едва заметно подрагивают.

— Подхожу ближе, — продолжает он, — вижу — лежит. Вернее, не лежит, а... — он запинается, подбирая слово. — Сидит.

— Сидит? — Воронов вскидывает бровь. — Ты мне тут сказки не рассказывай.

— Сидит, — упрямо повторяет дядя. — К дереву прислонена. Сосна, сухая, молнией битая. Она спиной к стволу, голова на грудь упала. Я сначала подумал — живая, отдыхает. Окликнул. А потом ближе подошёл.

Он замолкает. Тишина в кабинете становится вязкой, как болотная жижа. Даже Воронов перестаёт писать и ждёт.

— Она была не просто мёртвая, — дядя произносит это медленно, словно пробует слова на вкус. — Её убили не так, как убивают людей.

— А как? — Воронов подаётся вперёд. — Как убивают не людей?

— Как жертву.

Слово падает в тишину и остаётся лежать, невидимое, но осязаемое. Алиса чувствует, как у неё холодеют пальцы. Она смотрит на дядю и видит то, чего не замечала раньше: страх. Глубинный, древний страх, который не имеет отношения к полиции, допросам и тюремным срокам. Этот страх родом из тех времён, когда люди верили, что тайга — живая, и требовала крови.

— Какие именно повреждения? — голос Воронова теряет прежнюю вальяжность.

— Глаза, — говорит дядя. — Их не было. Вернее, они были... в другом месте.

— В каком «другом месте»?

— Во рту.

Повисает пауза. Воронов медленно тушит сигарету, хотя она ещё не докурена. Пальцы его чуть подрагивают.

— Ты хочешь сказать, что кто-то вырезал ей глаза и положил в рот?

— Я хочу сказать то, что сказал.

Алиса прикрывает веки. Перед глазами встаёт картина: сухая сосна, битая молнией, и женщина, сидящая под ней.

Глаза смотрят из темноты рта — влажные, стеклянные, ещё сохранившие отблеск предсмертного ужаса. Она прогоняет видение усилием воли, но тошнота уже подкатывает к горлу.

— Ещё что-то? — спрашивает Воронов.

— Символ, — дядя вынимает из кармана сложенный вчетверо листок. — Я зарисовал по памяти. Не знаю, что это.

Воронов берёт бумагу, разворачивает. Алиса делает шаг вперёд, чтобы увидеть. На листке — грубый, но чёткий рисунок: круг, а внутри — перекрещённые линии, напоминающие то ли паутину, то ли сломанное колесо. В центре, в месте пересечения, — точка. Или глаз? Или зрачок?

— Никогда такого не видел, — Воронов вертит рисунок в руках. — Где это было?

— На груди. Вырезано. Вот здесь, — дядя касается своей груди, чуть выше сердца.

— Ножом?

— Не знаю. Может, ножом. Может, когтем.

— Когтем? — Воронов фыркает, но в этом смешке нет уверенности. — Ты, Петрович, видимо, совсем умом тронулся в своей тайге. Зверя во всём винишь?

— Я не виню зверя, — дядя смотрит ему прямо в глаза. — Зверь так не делает. Зверь не рисует знаки на теле и не складывает глаза в рот. Это сделал человек. Или тот, кто когда-то был человеком.

Он говорит это так просто, так буднично, что Воронов теряется. Молчит, крутит рисунок в пальцах.

— Ладно, — говорит он наконец. — Допустим, ты это не выдумал. Тогда ответь мне на один вопрос. Почему ты её нашёл? Почему именно сейчас, спустя пять лет? И именно ты — бывший муж?

— Я не знаю, — дядя качает головой. — Но я знаю, кто может знать.

— Кто?

Дядя молчит. Алиса чувствует, как воздух в комнате сгущается до предела. Она смотрит на рисунок и вдруг понимает: она уже видела этот знак. Не в книге, не в кино — здесь, в Глухаринном Логе. Она не может вспомнить где, но подсознание бьёт тревогу, запуская по телу волны мурашек.

— Кто? — повторяет Воронов.

— Баба Аглая, — тихо говорит дядя. — Если кто и знает про такие знаки, то только она.

Воронов откидывается на спинку кресла. Лицо его кривится — то ли от отвращения, то ли от страха.

— Ты про старуху с Вороньего хутора? Да она же сумасшедшая. Ей сто лет в обед, она давно из ума выжила.

— Она не сумасшедшая, — возражает дядя. — Она знахарка. И помнит то, чего не помним мы.

В коридоре хлопает дверь. Шаги — быстрые, уверенные, совсем не похожие на ленивую поступь местных участковых. Через секунду в кабинет заглядывает молодой человек в мятом пальто, с дорожной сумкой через плечо. Лицо усталое, но глаза цепкие, внимательные.

— Извините, что прерываю, — говорит он, переводя взгляд с Воронова на дядю и обратно. — Старший лейтенант Соболев. Из области. Мне сказали, здесь дело об убийстве?

Воронов медленно поднимается. Протягивает руку, но без особого энтузиазма.

— Прибыли быстро. Не ждали так рано.

— Хорошая погода для допросов, — Соболев криво усмехается. — Дождь обещали. А в дождь я всегда быстро езжу.

Он поворачивается к Алисе, и она ловит его взгляд — изучающий, но не враждебный. Первый человек за долгое время, который смотрит на неё без примеси брезгливости или страха.

— Вы тоже по делу? — спрашивает он.

— Я его племянница, — Алиса кивает на дядю.

— Понятно. — Соболев снимает сумку, ставит её у стены и берёт со стола рисунок, который Воронов так и не спрятал. Крутит в пальцах. — Интересно. Что это?

— Свидетели говорят — оккультный символ, — цедит Воронов. — Местный колорит. Тайга, знаете ли, полна суеверий.

Соболев подносит рисунок ближе к глазам.

— Это не суеверие, — говорит он медленно. — Я видел похожий знак. Три года назад, на закрытом семинаре по ритуальным преступлениям. Круг с точкой — это «Око». Символ посвящения. Или жертвоприношения. Зависит от контекста.

Он опускает бумагу и смотрит на дядю.

— Где тело?

— У Журавлиного ручья. На старой гари.

— Покажете?

Дядя молча кивает.

— Тогда едем сейчас, — Соболев подхватывает сумку. — Пока следы не затоптали и дождь не смыл остальное. Вы, — он поворачивается к Воронову, — соберите группу. И вызовите криминалиста, если у вас тут есть криминалист.

— У нас тут только фельдшер, — хмыкает Воронов.

— Сойдёт. Пусть ждёт в морге.

Соболев направляется к выходу, но останавливается в дверях и смотрит на Алису.

— А вы, — говорит он, — если хотите помочь дяде, поезжайте к этой бабе Аглае. Только не одна. Возьмите кого-то из местных, кому доверяете.

— У нас нет таких, — говорит Алиса.

Соболев задерживает на ней взгляд дольше, чем нужно.

— Тогда поезжайте со мной. Но сначала — к телу. Я так понимаю, в тайге вы ориентируетесь лучше здешних оперативников?

Алиса не отвечает. Ей это не нужно. Она просто идёт к выходу, поправляя на плече лямку рюкзака, и впервые за этот день чувствует что-то похожее на надежду. Слабую, хрупкую, как первый лёд на луже, но всё-таки надежду.

У «УАЗа» их догоняет дядя. Берёт Алису за локоть — не

сильно, но настойчиво.

— Не лезь в это, — говорит он тихо. — То, что там, в лесу... это не для тебя. Ты не понимаешь, с чем мы имеем дело.

— А ты понимаешь? — она поднимает на него глаза.

Дядя молчит, но в этом молчании — ответ. Да. Он понимает. И от этого ему ещё страшнее.

— Я сам, — говорит он наконец. — Ты слышишь? Я сам разберусь.

— Ты уже разобрался, — Алиса высвобождает руку. — Ты — главный подозреваемый. Теперь моя очередь.

Она садится в машину и смотрит прямо перед собой, на серую дорогу, убегаящую в лес. Где-то там, в глубине тайги, сидит у сухой сосны мёртвая женщина. И знак на её груди — не просто рисунок. Алиса знает это почти наверняка.

Вспомнила.

Четыре года назад, когда у них пала корова, дядя ездил за советом к бабе Аглае. Вернулся злой, молчаливый, и весь вечер просидел у печи, глядя в огонь. А на столе остался лежать клочок бумаги с тем самым символом. Круг. Перекрещенные линии. Точка в центре.

Она тогда спросила, что это. Дядя смял бумагу и бросил в печь.

— Ничего, — сказал он. — То, чего не должно быть. Но оно было. И теперь вернулось.

Глава 3. Место силы

Журавлиный ручей встречает их тишиной. Не той, что бывает в лесу перед грозой, а другой — мёртвой, плотной, как ватное одеяло. Даже птицы молчат. Только где-то далеко, на границе слышимости, трещит сорока — и обрывается на полуслове, будто подавилась собственным криком.

«УАЗ» трясётся по разбитой колее ещё с полчаса, пока не упирается в поваленную лесину. Дальше — пешком. Соболев идёт первым, смешно перебирая ногами в новеньких городских ботинках, которые уже набрали воды и чавкают при каждом шаге. Дядя за ним — молчаливый, напряжённый, как взведённый курок. Алиса замыкает цепочку. Она знает эти места: справа — овраг, заросший малиной и крапивой, слева — болотце, которое даже в засуху не пересыхает. Воздух здесь всегда сладковатый, гнилостный, но сегодня к нему примешивается что-то ещё. Запах. Не резкий, не ударяющий в нос, а тонкий, навязчивый — так пахнет старая кровь, смешанная с землёй и хвоей.

— Здесь, — говорит дядя и останавливается.

Поляна открывается неожиданно — словно тайга расступается, показывая гнилые зубы. Старая гарь. Земля чёрная, жирная, местами уже затянутая молодым осинником и кипреем. Посередине, как покосившийся крест, торчит сосна. Сухая, мёртвая, с расщеплённым молнией стволом. Чёрная трещина змеей уходит от вершины к корням, и в этой трещине, если приглядеться, темнеет что-то похожее на запёк-

шуюся смолу. Или на кровь.

Тело видно сразу. Прислонено к стволу. Сидит.

Соболев останавливается так резко, что Алиса едва не врежется ему в спину. Он шумно выдыхает, и пар от его дыхания повисает в холодном воздухе.

— Господи, — говорит он почти шёпотом. — Она действительно сидит.

— Я же сказал, — глухо отзывается дядя.

Алиса заставляет себя смотреть. Это трудно, почти невозможно, но она знает: если отвести взгляд сейчас — будешь отводить всю жизнь. Она уже видела смерть. Видела зверей в капканах, видела разодранного медведем лося, видела утопленников, которых выносила на берег река. Но это — другое.

Женщина одета в то, что когда-то было светлой курткой. Сейчас ткань потемнела, пропиталась влагой и временем, облепила тело, как саван. Ноги вытянуты, руки лежат на коленях ладонями вверх — жест, который мог бы показаться смиренным, если бы не отсутствие ногтей. Их нет. На всех десяти пальцах. Вырваны. Не срезаны — именно вырваны, с мясом, оставив после себя чёрные запёкшиеся лунки.

— Следов разложения почти нет, — тихо говорит Соболев, приседая на корточки в нескольких метрах от тела. — Она что, всё это время здесь пролежала? Пять лет? Как такое возможно?

— Холод, — дядя кивает в сторону болота. — Там, под мхом, земля никогда не оттаивает. Мерзлота. А потом — су-

хость. Мумификация.

— Но её же не просто бросили, — Соболев достаёт телефон и делает снимки, медленно обходя поляну по периметру. — Её усадили. Прислонили к дереву. Поза — ритуальная. Руки развёрнуты, ладони открыты. Это жест подношения.

— Подношения кому? — спрашивает Алиса.

Соболев молчит, продолжая снимать. Потом подходит ближе — насколько позволяет запах и собственное самообладание. Алиса видит, как он бледнеет. Желваки на скулах напряжены, но рука с телефоном не дрожит.

— Рот открыт, — комментирует он, словно для протокола. — В ротовой полости — инородные предметы. Похожи на... да, глаза. Глазные яблоки.

Он опускает телефон и трёт переносицу.

— Это не просто убийство. Это послание.

— Кому? — снова спрашивает Алиса.

— Всем. — Он оборачивается к ней. — Тому, кто найдёт. Тому, кто поймёт. Тому, кто должен бояться.

Алиса подходит ближе. Смотрит на тело. Ей хочется найти в нём что-то человеческое, что-то от той Любы, про которую рассказывал дядя: высокая, смешливая, с родинкой над левой бровью. Но этого нет. Есть только оболочка. Страшная кукла, которую кто-то оставил здесь как знак. И она понимает: это действительно послание. И адресовано оно не кому-то абстрактному, а им. Конкретно им — дяде и ей.

— Вот он, — Соболев показывает на грудь женщины.

Куртка распахнута, блуза под ней разорвана. На коже, натянутой на рёбра, как на барабан, — рисунок. Не просто царапина или рана. Именно рисунок, выполненный с пугающей аккуратностью. Круг диаметром с ладонь, а внутри — перекрещенные линии. Восемь лучей расходятся от центра к краям, как спицы колеса. И в середине — углубление. Не разрез. Отверстие. Словно кто-то вогнал в грудь тонкий колышек и извлёк его. Или ввинтил. Или всосал.

— Что это за инструмент? — Соболев вглядывается, не прикасаясь. — Нож так не оставляет. Это что-то круглое, полое внутри. Как трость для взятия проб грунта. Или...

— Или веретено, — тихо говорит дядя.

Они оба оборачиваются к нему. Дядя стоит поодаль, скрестив руки на груди. Лицо его — серое, как пепел.

— Бабкино веретено, — повторяет он. — У бабы Аглаи есть такое. Старинное, костяное. Она им не прядёт, а... что-то другое делает.

— Что — другое? — резко спрашивает Соболев.

— Не знаю. Никто не знает. Но когда-то давно она говорила, что этим веретеном можно «запереть душу». Или «выпустить». Я не помню точно.

Соболев достаёт блокнот и записывает. Потом смотрит на тело, на дерево, на поляну.

— Здесь ещё кое-что, — говорит он. — Смотрите вокруг. Видите?

Алиса оглядывается. Сначала она не замечает ничего,

кроме чёрной земли и редких кустов. Но потом глаз цепляется за странность. Ветки. Они лежат не хаотично — они выложены. Сухие, белые, очищенные от коры. Они окружают сосну концентрическими кругами. Три круга. И каждый — из разного дерева.

— Берёза, осина, ель, — перечисляет Соболев, приближаясь. — Три круга, три породы. Берёза — для мира живых. Осина — проклятое дерево, дерево висельников. Ель — дерево мёртвых, ею устилают путь на погост. Кто-то очень грамотно провёл обряд.

— Откуда вы это знаете? — спрашивает Алиса.

— Я вырос в деревне, — Соболев криво усмехается. — У нас бабушка тоже много чего знала. Только не афишировала. Он снова подходит к телу, теперь ближе, и вдруг замирает. — Тут ещё кое-что.

Алиса подходит следом. Соболев указывает на шею женщины. Под подбородком, там, где кожа отстаёт от ткани ворота, видна тонкая полоска. Не верёвка. Не шнурок. Что-то тёмное, почти чёрное, туго обхватывающее горло.

— Это жила, — говорит дядя, не приближаясь. — Звериная жила. Ею сшивают шкуры.

— Боже мой, — выдыхает Соболев. — Ей сшили рот.

И тут Алиса видит. Губы женщины не просто сомкнуты. Они стянуты. Грубые стежки, сделанные толстой, потемневшей от времени нитью, проходят сквозь верхнюю и нижнюю губу. Рот зашит. Наглухо. И только после этого туда, уже

сверху, через разрез в щеке, были вложены глаза.

— Чтобы не говорила, — шёпотом произносит Соболев.
— Даже после смерти. Чтобы не свидетельствовала. Чтобы душа осталась немой.

Тишина на поляне становится абсолютной. Даже ветер стихает — или это только кажется Алисе. Она смотрит на зашитый рот, на пустые глазницы, на знак на груди, и вдруг чувствует, как холод поднимается от земли, вползает в сапоги, ползёт по ногам, по животу, сжимает сердце ледяной рукой.

— Уходим, — говорит Соболев. — Оставляем всё как есть до прибытия группы. Ничего не трогать.

Он поворачивается к дяде.

— Вы понимаете, что вы — единственный, у кого был мотив? Ревность, старая обида. Пять лет назад она ушла от вас, верно?

Дядя молчит.

— Верно? — настаивает Соболев.

— Она не ушла, — голос дяди звучит глухо, словно из-под земли. — Она пропала. Я искал её. Полгода по тайге ходил. А потом решил, что она уехала. Бросила меня.

— А теперь выясняется, что не бросала.

— Теперь выясняется, — дядя поднимает глаза на Соболева, — что её убили в тот самый день, когда она «ушла». И убили не просто так. Её убили по обряду. А я пять лет жил на месте преступления и ничего не знал.

Он разворачивается и уходит в лес, не дожидаясь остальных. Соболев смотрит ему вслед, потом переводит взгляд на Алису.

— Вы верите ему?

— Он мой дядя, — говорит она.

— Это не ответ.

Алиса молчит, глядя на зашитый рот мёртвой женщины, и думает о том, что ответов у неё нет. Вообще никаких.

Глава 4. Баба Аглая

Воронов хутор стоит на отшибе — дальше только лес, болота и старые, заброшенные деревни, где давно никто не живёт. Дорога туда не езжена, заросла борщевиком и молодым березняком. «УАЗ» продирается сквозь заросли с тяжёлым скрежетом, и ветки хлещут по стёклам, как костлявые пальцы.

Алиса сидит впереди, рядом с Соболевым. Дядю оставили в участке — «для дачи показаний». На самом деле — под надзор. Соболев сам настоял на том, чтобы поехать к бабе Аглае именно сейчас, пока светло. Пока дождь не размыл остатки следов. Пока старуха не ушла в лес — она, по слухам, иногда пропадает на несколько дней, и никто не знает, куда и зачем.

— Что вы о ней знаете? — спрашивает Соболев, переключая передачу.

— Почти ничего, — отвечает Алиса. — Она живёт здесь с

незапамятных времён. Когда я была маленькой, её уже называли столетней. Местные обходят хутор стороной. Говорят, она лечит, но не всех. И не всё.

— Что значит «не всё»?

— Она не лечит болезни. Она лечит... другое. Сглаз. Порчу. Проклятие. — Алиса делает паузу. — И сама же их высылает. Если заплатишь.

— Вы в это верите?

— Я верю в то, что люди боятся её не просто так.

Хутор появляется внезапно — как гнилой зуб из десны. Покосившаяся изба с провалившейся крышей, забор, упавший наполовину, и ворота, на которых висит не то оберег, не то предупреждение: пучок сухих трав, перетянутый чёрной шерстяной нитью, и птичий череп. Слишком крупный для вороны. Слишком мелкий для филина.

— Не нравится мне это, — бормочет Соболев.

Он глушит мотор. Тишина накрывает их мгновенно — глубокая, вязкая. Алиса выходит из машины и чувствует странный запах: не гниль, не дым, а что-то среднее — горькое, пряное. Так пахнет полынь, если её жечь на углях. Или старые кости.

Калитка открывается сама. Не в смысле «от сквозняка» — петли сухие, скрипят так, будто их не смазывали век. Но в проёме никого нет. Только темнота сеней и где-то в глубине дома — тусклый, колеблющийся свет. Лучина. Или свеча.

— Есть кто? — громко спрашивает Соболев. — Аглая

Петровна?

Тишина. Потом — звук. Медленный, ритмичный. Стук. Как будто палка ударяет о деревянный пол. Или кость. Или веретено.

— Заходи, коли пришёл, — голос раздаётся не из дома, а откуда-то сбоку. Алиса поворачивается и видит её.

Баба Аглая сидит на корточках возле старого колодца — чёрного, заросшего мхом сруба. Она невысокая, скрюченная, как корень, вывернутый из земли. Одежда тёмная, многослойная — юбка до пят, платок, надвинутый на лоб так низко, что почти скрывает глаза. Но глаза видны. Тёмные, блестящие, как у зверя в свете фар. Она не щурится. Не мигает. Просто смотрит.

— Из города? — спрашивает она, обращаясь к Соболеву. — Чую, чужой дух. Железом пахнешь и бумагой.

— Я следовательно, — Соболев достаёт удостоверение. — Мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Вопросы, — старуха усмехается, и усмешка эта не сулит ничего хорошего. — Всегда вопросы. А ответы у меня простые. Не те, что вам нужны.

Она поднимается — медленно, со старческим кряхтением, но в этом движении чувствуется сила. Не физическая. Другая.

— Ты зачем приехал, городской? Мёртвую смотреть? Так она уже пятый год мёртвая. Чего теперь тревожить?

Соболев замирает. Алиса чувствует, как у неё по спине

бегут мурашки.

— Откуда вы знаете про мёртвую? — спрашивает он.

— А ты думаешь, в тайге секреты долго живут? — старуха смеётся, и смех её похож на воронье карканье. — Земля слухи носит. Корни шепчут. Птицы на хвосте приносят. Знаю. Всё знаю.

Она переводит взгляд на Алису, и та чувствует, как её буквально пригвождает к месту. В глазах старухи нет любопытства. Только узнавание — холодное, как лезвие ножа.

— А ты — Игоря девка, — говорит она. — Племянница его. Выросла. Помню тебя мелкой. Ты к нам бегала, за травой для мази. А теперь вон какая стала. Вся в породу.

— В какую породу? — тихо спрашивает Алиса.

— В ту самую, — старуха улыбается. — Которая беду на себя кличет.

Она разворачивается и идёт к дому. Соболев делает движение за ней, но Алиса ловит его за рукав.

— Подождите, — говорит она. — Дайте я.

Она догоняет старуху у самого порога. Баба Аглая останавливается, но не оборачивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.